УДК 81'367.632.1
ББК 81.052
П 58

Попова В.Б.
Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г.Краснодар, Россия, v.kiy@bk.ru

Анализ дихотомии «вариативное / типичное» ядра лексического значения слова как функционального потенциала определенного артикля

(Рецензирована)

Аннотация.
Рассматриваются сущность и специфика определенного артикля, определяемая отношением к структуре лексического ядра слова, а именно к особенному как компоненту дихотомии „общее / особенное". Определенный артикль маркирует индивидуальные признаки референта, с одной стороны, как невариативные, представленные в одном данном варианте, с другой стороны, как соотносимые с категорией особенного в структуре лексического значения и типизирующиеся в ряду согипонимов. Актуальность темы исследования определяется тем, что, хотя функционирование определенного артикля представлено наиболее полно как в научном плане, так и в дидактическом, теоретическое обоснование проявления этих функций может быть существенно дополнено. В результате установлено, что функцией определенного артикля является указание на одновариантность особенного референта. Определенный артикль иллюстрирует лексико-семантические поля в аспекте взаимоисключающих и соположенных парадигматических отношений: согипонимов, антонимов, синонимов, а также отнесенность к определенным тематическим блокам тезауруса.

Ключевые слова:
определенный артикль; вариативность как единственный вариант, одновариантность; лексическое значение слова; единичное, общее и особенное; парадигматика, лексико-семантическое поле, согипонимы

Popova V.B.
Academy of Marketing and Social Information Technology, Krasnodar, Russia, v.kiy@bk.ru

Analysis of the dichotomy 'variative / typical' of the core of the lexical meaning of the word classified as the functional potential of the definite article

Abstract.
The paper deals with specific characteristics of the definite article. The functional potential of the definite article is seen as connected with dichotomy 'general / specific' of the core of the lexical meaning of the word. The definite article marks the individual features of the referent, on the one hand, as non-variable, and on the other hand, as specific, in the lexical meaning of the noun considered as typical in a line of

co-hyponyms. The research shows that the function of the definite article is to indicate that a specific referent is single-variant. The definite article marks lexical-semantic fields from the point of view of compatible-incompatible paradigmatic relations: co-hyponyms, antonyms, synonyms, as well as attributed to certain thematic blocks of the thesaurus.

Keywords:

Definite article, single-variant, variability as the single variant, lexical meaning of the word, singular, general and specific, paradigmatic relations, lexical-semantic field, co-hyponyms

Актуальность темы исследования определяется тем, что хотя функционирование определенного артикля представлено наиболее полно как в научном плане, так и в дидактическом, теоретическое обоснование проявления этих функций может быть существенно дополнено. Понимание функционального статуса определенного артикля, метаязыковых параметров, его определяющих, позволит более полно анализировать его употребление в речи как элемента триады: *неопределенный – определенный – нулевой* типы артикля. Применяются методы исследования структурно-семантического анализа, а также сопоставительного, синтаксического, компонентного.

Теоретической базой исследования послужили труды О. И. Москальской [1, 2], В. Б. Кашкина [3], Н. Л. Огуречниковой [4]. Также в качестве инструмента анализа привлечены некоторые философские категории – общего и особенного, единичного [5], а также некоторые понятия теории множеств, проецируемые на понятие лексического значения слова, в части вариативности его сигнификативного значения и денотата.

Ход наших рассуждений мы иллюстрируем речевыми образцами на артиклевых языках, в основном на немецком, отчасти на английском, с переводом на русский язык. Формы определенного артикля в образцах оригинала подчеркиваем, в переводе перед соотносимым словом ставим значок «+» (перевод наш – В.П.).

Материалом исследования послужили образцы диалогической и монологической речи, а именно: записаны, переведены и проанализированы в аспекте их артиклевой аранжировки речевые высказывания, в основном из современных немецких художественных фильмов, документального фильма, а также примеры из некоторых научных источников, снабженные нашим комментарием. На хрестоматийные примеры ссылок не даём. Речевые образцы пронумерованы. По аналогии с правилами оформления ссылок для печатных изданий, обязательности указания страницы, в квадратных скобках ссылок на видеоматериалы указываем время начала эпизода, в котором произносится фраза, чаще всего минута и секунда, в случае необходимости – и час.

Выбор немецкого языка в большей степени определяется степенью его изученности автором (первый иностранный).

Теоретико-методологические основы сущности, функций и статуса определенного артикля. Базисом научной рефлексии в рамках предлагаемого исследования является определение лексического значения слова, положение о том, что в его основе лежит понятие, которое «характеризуется нечёткостью, размытостью границ: оно имеет чёткое ядро, благодаря чему обеспечивается устойчивость лексического значения слова и взаимопонимание, и нечёткую периферию. Вместе с тем нечёткость и подвижность имеют свои границы, определяемые...лексической парадигматикой» [6: 262]. Варьируется также и денотативный ряд, на который может распространяться лексическое значение.

Лексическая парадигматика рассматривается нами с позиций сигнификата, а именно в плане семантических отношений. То есть «группировки слов в системе языка, основой которых выступает оппозиция, – это синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая группировка слов – поле» [6: 438]. И далее, там же: «Различаются поля двух основных видов: 1) объединения слов по отношению к одной предметной области – предметные или денотатные, поля, например, цветообозначения, имена растений, животных, мер и весов, времени и т. д.; 2) объединения слов по их отношению к одной сфере представлений или понятий – понятийные, или сигнификатные, поля, например, обозначение состояний духа (чувств радости, горя, долга), процессов мышления, восприятия (видения, обоняния., слуха, осязания), возможности, необходимости и т. п. В предметных полях слова организованы преимущественно по принципу «пространство» и по принципам соотношения вещей: часть и целое, функция (назначение) и ее аргументы (производитель, агенс, инструмент, результат); в понятийных полях – преимущественно по принципу «время» и по принципам соотношения понятий (подчинение, гипонимия, антонимия и др.). Парадигматические отношения формализуются с помощью математической теории множеств» [6: 437 - 438].

Применительно к нашему исследованию очевидно разграничение лексики конкретной и абстрактной. В первом случае возможна референция к предметам / событиям объективной реальности, вторые – по своей сути остаются результатом концептуализации объективной реальности. И непосредственного, прямого референта не имеют.

Остановимся на предметном мире. Референция к предметам реального объективного мира осуществляется с помощью определенного артикля, который соотносится с вариативной частью понятия. Если предмет представлен, существует в реальном мире, то его особенные, индивидуальные признаки очевидны. Однако общие признаки также присущи предмету / понятию априори, даже в самом общем плане – все предметы суть материя. Предмет исчислен, выделен, осознан, описан человеком в его базовых характеристиках, закрепленных в номинации, имени. Направленность определённого артикля к референту, денотату, прежде всего в сторону конкретного воплощения сигнификативного значения, гипертрофирует категорию особенного в соответствующем понятии, в большей степени форму, чем содержание. То есть определенный артикль акцентирует особенное в дихотомии общее / особенное. Перед слушающим предмет «такой именно», в этом одном воплощенном варианте.

В дальнейшем мы будем говорить об одновариантности особенного как ключевой характеристике определенного артикля. Положение, созвучное нашему, находим у Дж. Уоллиса, который «называет НА (неопределенный артикль – В.П.) Articulus Numeralis, при этом ОА (определенный артикль) – Articulus Demonstrativus, поскольку первый обозначает полностью тоже самое, что и one `один`, но менее выразительно (minus emphatice)» [3: 78].

Примеры на имена существительные конкретные:

*Wenn ich in diese Augen schaue, sehe ich **das** schönste Lächeln von ganz Oberhau!* – «Когда я смотрю в эти глаза, я вижу самую красивую +улыбку Обергау!» [7: 1.08].

*Und ich habe jetzt **den** Club!* – «И у меня теперь +клуб!» [8: 44.37].

*Dann springe ich lieber aus **dem** Fenster!* – «Тогда я лучше выпрыгну из +окна!» [10, 16:30].

***Das** Essen war heute großartig!* – «+Еда была сегодня великолепной!» [9: 50.08].

*Ich sehe da **die** alten Freunde denn kaum noch.* – «Я почти не вижусь здесь со старыми +друзьями» [8: 29.01].

*Kommt Viktor auch **zum** Frühstück?* – «Виктор тоже придёт на +завтрак?» [8: 29.43].

Ряд примеров на абстрактное содержание:

– *Das ist **die** Poesie **des** Herzens!* – «Это +поэзия +сердца!» (реплика следует за примером-речевой иллюстрацией *1.*) [7: 1.13].

– *Vielleich kann ich was dazu beitragen, dass **das** Wunder ereignet?* – «Может, я могу что-нибудь сделать, чтобы чудо произошло?» [8: 24.10]. (Предложение следует после реплики *Ich wart noch auf ein Wunder! Vielleicht k nnen wir, ja, mal uns zusammensetzen!* – «Я всё еще жду чуда! Может быть мы могли бы однажды собраться все вместе?» – с неопределенным артиклем при первом упоминании слова *чудо*).

Обратим внимание на то, что вторая речевая иллюстрация из приведенных выше (пример 3), реплика по сюжету фильма произносится в помещении, где действительно есть окно. Потому понимается почти буквально (главная героиня говорит иронично). Но этот пример можно было бы соотносить и с другой группой примеров (фраза могла бы быть сказана и не в многоэтажном доме), в которых реального предмета нет в ситуации речи, слушающий опирается только на свой или всеобщий опыт, закрепленный в речи.

В этом смысле нам созвучно высказывание Н. Д. Арутюновой [цит. по 3: 114] о том, что «референтом считается либо непосредственный объект действительности (и тогда употребление артикля может быть референтным, или нереферентным), либо референция опосредована пониманием и ментальной репрезентацией (и тогда всякая артиклевая форма имени референтна). Для исследователей, ориентированных на чисто лингвистическую, а не на логико-философскую проблематику опосредованное понимание референции более характерно: соотношение имени с вещью понимается только постольку, «поскольку они отражены сознанием говорящего» [10: 220]. Для лингвиста реальная действительность это та, которая «подается Говорящим как реальная [11: 269]».

Если рассматривать тезаурус как результат дискретизации и концептуализации мира, то определённый артикль указывает на бесспорные результаты этих процессов, процесса познания.

Определенный артикль с именами конкретными в синтаксической роли обстоятельств и дополнений: «говорящая деталь». В следующих примерах говорящий переносит свой опыт непосредственного наблюдения-видения различных процессов и знакомства с предметным миром в виртуальную ситуацию и опирается на предполагаемое наличие подобного опыта у слушателя, когда предметов или процессов нет в реальной ситуации речи. Это проявляется, например, при указании способа действия, различных обстоятельств, которые, хотя и называются в речевой ситуации впервые и не представлены в предметном мире здесь и сейчас, хорошо знакомы слушателю.

Хрестоматийный пример:

– *Machen Sie Kreuze mit dem Kugelschreiber!* – «Ручкой отметьте крестиком...» (выделите определенные данные, используя ручку и помечая знаком креста).

Словосочетание в немецком *mit dem Kugelschreiber*, «ручкой», и использование в данном случае определенного артикля опирается исключительно на предшествующий опыт говорящего, понимающего, что такое *ручка* и каков процесс *писать ручкой*.

Очевидно, активирована семема глагола *писать*, его лексико-семантическое значение, подчиняющееся понятию большей степени абстракции – *человеческая деятельность (когнитивная, познавательная,*

творческая, учебная деятельность); предполагаются актанты *кто пишет*, *чем пишет*. То есть задействованы не только парадигматические, но и синтагматические связи лексической единицы. Сознанием предполагаются конечные, упорядоченные варианты: *писать ручкой, карандашом, (набирать текст) с помощью клавиатуры компьютера*. Представлен определенный набор возможных реализаций *инструмента*, *способа выполнения действия*. Сположены различные известные варианты выполнения действия, каждый из которых исключает наличие другого возможного. Налицо отношения согипонимов – инструментов выполнения действия. По отношению друг к другу они ярко проявлены, так как в основе их соположения и дифференциации лежит ярко выраженный дифференцирующий признак, проявленное особенное. Хотелось бы назвать эти отношения отношениями по контрасту: согипонимы контрастируют друг с другом, взаимно оттеняя свои особенности, связанные с проявлением дифференцирующего признака, набора этих признаков. В речи выбран и соответственно назван один из возможных известных способов осуществления действия. Поэтому мы говорим об одновариантности, демонстрируемой определенным артиклем. Обратим внимание на то, что подобные выражения обычно не являются в предложении подлежащим, не занимают позицию субъекта. Они не в центре внимания, не на нах сфокусирован говорящий, но в восприятии появляется яркая, «говорящая» деталь описания, их синтаксическая роль – выражение различных обстоятельств, а не прямое дополнение.

Таков и следующий пример, словосочетание «на экране»:

Eine Schönheit..., die auf ***der*** *Leinwand fasziniert, aber auch eine geheime Kränkung ist.* – «Красота..., которая на +экране завораживает, представляя собой, однако, затаенную обиду». (Варианты перевода: «несет в себе некий трагизм»; «несет в себе черты некоторой надломленности») [12: 0.29].

В следующем примере, речевой иллюстрации, обратим внимание на словосочетание *в случае крайней необходимости* и слово *аптечка*. Словосочетание характеризует всем известную типичную ситуацию: в качестве аптечки героиня здесь показывает соответствующий набор неотложной медицинской помощи:

11. *Ich komme ganz gut zurecht. Und* ***im*** *Notfall habe ich* ***das*** *Kit.*

– «Я нормально обхожусь. В крайнем +случае у меня есть +аптечка» (набор неотложной медицинской помощи) [8: 1.00.33].

Обратим внимание, что, как правило, «говорящие детали» таких и подобных высказываний выражаются именами нарицательными, то есть опираются на объекты действительности, обладающие большей конкретикой, предметностью: *карандаш, дорога, экран, аптечка*. Или ситуация речи является ярко маркированной и типичной*: крайний случай*. В немецком предложении это сложное слово, определяемым является *случай – какой? Крайний*. И в памяти всплывает возможный ряд проявленного особенного иного рода – *несчастный*, *счастливый случай*, например. То есть, это один из проявленных вариантов по отношению к слову *случай*. И эти предметы, понятия не в центре высказывания, их именования не являются подлежащими или прямыми дополнениями в предложении, они должны представлять способ, образ действия, обстоятельство, косвенное дополнение, которые не вызывают вопросов у слушающего, однозначно трактуются. Коль скоро это так, в воображении слушателя предстает яркая деталь картинки-повествования.

В представленных выше примерах-иллюстрациях была использована в основном конкретная лексика. Обратимся к лексическим единицам большей степени абстракции.

12. *Ich mache mich dann auf* ***den*** *Weg!* – «Ну, я пошла!» (эквивалент: «тогда я отправляюсь в +путь», «мне пора»; «ну, тогда я пошла») [8: 51.23].

Не собственно путь в центре внимания говорящего как вариант той или иной дороги, а сам процесс движения, что дает право перевести выражение глаголом. Апелляция к опыту слушающего, известность этого состояния, а именно предвкушение момента расставания и, собственно, преодоления пути, дают возможность использовать определенный артикль.

Определенный артикль с именами существительными в синтаксической роли агенса и пациенса. В позиции подлежащего или прямого дополнения образы становится еще более яркими, одновариантность особенного еще более проявлена. Обращение к личному опыту, доверие собственному опыту, типичность и однозначность ситуаций, маркируемых определённым артиклем, демонстрирует следующий речевой образец:

13. *Komm!* ***Die*** *Arbeit ruft!* – «Пошли! +Работа не ждет!» (сравни, «Труба зовет!») [8: 31.32].

Говорящий не обязательно апеллирует к знанию об известной ранее такой именно деятельности. Это может относиться к любому виду рабочей занятости. Возможен перевод «Пошли! Пора за дело! (Надо идти)». По сути это не описание работы, а описание состояния готовности ее выполнять, наполненности энергией перед началом дела и решимости справиться с поставленной задачей.

Прямые дополнения в следующих предложениях - образцах речи, оформленные как побудительные, буквально остаются в нашем восприятии как некий видеоряд, где один образ сменяется другим. Например, ситуативный сценарий – бытовая зарисовка, общение супругов (припев песни Роберта Цицеро «Сними +обувь!», *„Ziehe* ***die*** *Schuh aus!“*) [13]. Главный герой передает слова своей жены, обращенные к нему:

– *Zieh* ***die*** *Schuh aus!* – «Сними +обувь!»; – *Bring* ***den*** *Müll raus!* – «Вынеси +мусор!»; – *Pass* ***aufs*** *Kind auf!* – «Проследи за +ребенком!».

Речевая ситуация известна и очевидна обоим действующим персонажам песни, одного из которых олицетворяет певец в момент исполнения. Слова *обувь, мусор, ребенок* употреблены с определенным артиклем. Слушатель тоже перемещается в данную речевую ситуацию, бытовую зарисовку, ассоциируя себя с героем, и, хотя ему неизвестны в деталях ни *обувь*, ни *ребенок*, ни, тем более, *мусор*: опора на собственный опыт делает перечисляемые в речевой ситуации предметы вполне узнаваемыми.

Если в ситуации, описываемой в припеве песни Р. Цицеро, мы еще можем говорить об индивидуализации с помощью определенного артикля, ситуация определяется самим героем песни, то в случае *«писать ручкой»* трудно говорить об индивидуализации в той же степени, это скорее типизация. Безусловно, *писать ручкой* или *карандашом* – дает отличие, проявление определенного признака как *способа действия*: *ручкой, а не карандашом*. Однако представляется в большей степени важным обращение к личному опыту слушающего как достаточному условию использования определенного артикля. Это противопоставление-сопоставление носитель любого языка имеет имплицитно, на поверхности восприятия – однозначно яркий, устойчивый образ. Комфортно воспринимать познанное.

Эта определенность индивидуального, отсутствие вариативности могут быть проявлены и через существительные во множественном числе.

Определенный артикль с существительными во множественном числе: значимость ограничения пространства. Рассмотрим следующие примеры. О талантливом шеф-поваре, женщине, свидетель ее

кулинарного творчества говорит [8: 35.20]:

Sie hatte schon, wirklich, alles vorher ***im*** *Kopf:* ***die*** *Ger che,* ***die*** *Farben,* ***die*** *gesamte Komposition! Sie hat es geschmeckt, bevor sie auch probiert hat!* – «Она уже заранее все представляла в своем воображении: +запахи, +цвета, всю +композицию. Она уже знала вкус, прежде чем пробовала» (дословно: 'в +голове', вариант перевода «У нее уже всё было в +голове»).

Существительные *запахи*, *цвета*, *вся композиция* употреблены с определенным артиклем. Слушатель не знает ни этих цветов, ни этих запахов. Но хорошо представлена идея их выбора, «таких именно», однозначности для приготовления избранного блюда, тем более что пространство ограничено «головой» повара.

Ограничение пространства, как таковое, способствует укрупнению деталей, объектов в нём, что соответственно делает оправданным использование определенного артикля. Здесь уместно вспомнить положение лингвистического энциклопедического словаря, приведенное выше, что в предметных полях слова организованы преимущественно по принципу «пространство» и по принципам соотношения вещей: часть и целое ... Ограничение пространства как таковое – важная предпосылка употребления определенного артикля. Это предпосылка дискретизации мира, выделения единичного и концептуализации. Так, например, главный герой рассуждает, демонстрируя фотографии [8: 10.45]:

Ja, oder hier. ***Die*** *Statisten aus* ***dem*** *Stadion, aus* ***der*** *angeblichen Stadt. Immer dieselben!* – «Да, или здесь. +Статисты на +стадионе, из предполагаемого +города. Одни и те же!»

Все существительные в немецком тексте с определенным артиклем: *статисты, на стадионе, из города*. Безусловно, ограничение пространства подкреплено визуально, фотографиями.

Однако, это ограничение избранного количества объектов может быть и не указано прямо, только подразумеваться. И определенный артикль может сопровождать не только существительное, но и другие части речи, субстантивированные. Рассмотрим следующий диалог межу официантом и двумя гостями, одна из которых – завсегдатай ресторана [9: 30.31]:

– *Ja, ich glaube, wir wollen bestellen.* – «Я полагаю, мы можем сделать заказ».

– *Für Sie, wie immer, gnädige Frau?* – «Для Вас, как всегда, сударыня?»

– *Ja, wie immer.* – «Да, как всегда».

– *Auf* ***das*** *„wie immer" bin ich gespannt.* – «Мне весьма любопытно, что это за +„как всегда"».

«Как всегда» – это некий известный, повторяющийся набор блюд. Этим и определяется выбор определенного артикля.

Ограничение количественное, подразумеваемое косвенно, наблюдаем и в следующем примере (слово *сердца* во множественном числе) [12: 1.34]:

18. Dieser Mann bringt ***die*** *Herzen in Aufruhe.* – «Этот мужчина заставляет чаще биться +сердца».

Из примера понятно, что это сердца, пришедшие в соприкосновение с образом главного героя. Сердца людей в его окружении. Приближенные к нему сердца, то есть не все вообще. Ограничение пространства не явно, но подразумевается. Ограничение пространства – условие проявления предмета в его однозначности, возможность очевидного проявления его индивидуальных признаков. Их буквально можно «увидеть».

Определенный артикль в случае отсутствия проявленных индивидуальных качеств референта. Пространственная близость участников коммуникативного акта (в том числе и потенциальных) как вариант ограничения пространства даёт возможность использования определенного

артикля. Прокомментируем некоторые примеры-речевые образцы, представленные Дж. Хокинсом (примеры цитированы по [4: 127 – 128]). Нам они интересны в том смысле, что референты в речевой ситуации имеются, но они не видны реципиенту:

19. – объявление на калитке: *Beware of* ***the*** *dog* – «Осторожно, злая +собака!» (1);

– надпись на упаковке с бьющимися предметами: *Do not break* ***the*** *glass* – «Осторожно, +стекло!» (2);

– надпись на ящике со змеёй: *Do not feed* ***the*** *snake* – «Не кормите +змею!» (3);

– предупреждение слепому человеку (Гарри), рискующему наткнуться на стол: *Harry, mind* ***the*** *table*! – «Гарри, осторожно, +стол!» (4).

Актуальна идея возможного близкого контакта реципиента и референта, возможное их взаимодействие: реципиент, читающий или слушающий, «не обладает никакой информацией о референте. Он делает вывод о присутствии референта в непосредственной ситуации общения на основании *значения артикля*. Заметим, что, читая надпись Beware of the dog, потенциальный вор сразу же понимает, что референтом определённой дескрипции является не та собака, что сидит возле дома, находящегося за восемь дворов слева» [4: 128]. Обратим внимание и на то, что надписи, о которых мы говорили выше, пример 19 (1-3), представляют своим денотатом также определенную ситуацию речи, *определенные роли* типовых участников: *посетителя, гостя, грузчика*. Определенный артикль в этих фразах-маркерах возможной типовой ситуации играет имеет функцию антиципации. Это относится к ситуации речи в целом, и дальнейшему потенциальному тексту: например, *Собака на привязи (закрыта)?* То есть для потенциального текста и контекста определенный артикль имеет роль катафоры.

Определенный артикль как дейктик: понятийная и текстовая анафора. В смысле анафоры мы можем говорить о понятийной анафоре, референции к проявленному особенному понятия в цепи потенциальных согипонимов, и дифференциальный признак или группа таковых в этом случае становится типизирующим для подкласса класса. *Собака → злая собака*. Или согипонимов *змея – уж (ящерица и т. п.)*. Вполне возможно, что понятия *собака, змея* кореферентны для семантического поля семемы *опасность – опасность травмы от животного / опасность травмы от явлений и процессов*: *электрический ток, молния, пожар*. Внимание адресата и гооворящего сконцентрировано на одном, проявленном варианте такой опасности.

Тезаурус – это также набор сценариев, типовых ситуаций, группировка понятий по предметным областям, представленным, например, в тематических словарях: *транспорт, продукты питания, или поездка в общественном транспорте, магазин*. Типовые ситуации, роли, предметы и объекты, им сопутствующие – все это концептуально систематизировано и упорядочено человеком. И представлено тезаурусом как система понятий, во их взаимной связи, а лексико-семантически – гипонимией, синонимами, антонимами, отношениями «часть – целое, целостное». В современных лингвистических исследованиях концептуализация мира как таковая представляет особый интерес [14, 15], выявляются парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи концептов [14]. В рамках парадигмы Сочинской лингвориторической школы, созданной А. А. Ворожбитовой [16: 78], разработан соответствующий терминологический аппарат: «дискурс-универсум, логосно-тезаурусно-инвентивные, пафосно-вербально-элокутивные, этосно-мотивационно-диспозитивные параметры лингвориторической

картины мира»; макроконцепт-абстракция → макроконцепт (наименование «X», конкретизирующее макроконцепт) → модели тезауруса соответствующего дискурса как процесса и продукта речемыслительной деятельности ↔ мезаконцепты ↔ катаконцепты [17: 61]. Предметом исследования становятся семантические поля [18: 34], ассоциативные ряды, говорящий как лингвориторическая личность, обладающая различными компетенциями, в том числе и «совокупная языковая личность этносоциума, региональная, (этно)социостратная, групповая, коллегиальная, языковая личность россиянина как тип по гражданской принадлежности» [16: 79]. Обращение к языковой личности как предмету исследования представляется чрезвычайно продуктивным. Можно говорить и об очевидном становлении тезауруса у развивающейся языковой личности: так, например, согипонимы, наименования осенних цветов *георгин, астра* неизвестны детям-дошкольникам шести-семи лет, в отличие от сформировавшихся взрослых носителей языка (выборочный опрос, выполненный автором статьи).

Определённый артикль в идиомах. Наиболее ярко и максимально абстрактно типовые ситуации, отраженные в языке, представляют фразеологизмы. Определенный артикль используется в жанровых, бытовых зарисовках «с натуры» в устойчивых выражениях- Идиомы сложились как описание типичных ситуаций, которые обладали определенной частотностью и опыт которых может быть использован метафорически. Образы эти достаточно яркие. Образы-картинки предстают буквально как фотографии. При этом сами герои и объекты этой картинки не всегда могут быть непосредственно знакомы современному человеку. То есть слушающему требуется еще большая степень опоры на силу воображения, как например для восприятия устойчивого выражения *die Kuh vom Eis holen* – «тащить корову со льда», то есть спасать заблудшую зимой корову [19]. Так говорят о достаточно сложной задаче (сравни русское, «как корова на льду»). В этом случае говорящий / слушающий, возможно, и не видел никогда *коровы на льду*: городской житель, например, знаком с коровой только по картинкам в виртуальном мире. Однако оба существительных, и *корова*, и *лёд* в данном выражении употреблены с определенным артиклем. Проявленного индивидуального нет, но оно навязывается слушающему как проявленное. В чем цель? Жанровая картинка остается яркой в восприятии. Какой представил реципиент корову, такой она, вне всяких сомнений, и является, равно как и лед, точнее фрагмент ледового покрытия, на котором оказалась корова. Заметим, что слово *лёд* означает вещество, но в данном контексте есть ограничение, выделение его фрагмента. Определенный артикль дает однозначность восприятия. Слушающему не нужно заострять свое внимание, вдумываться, напрягаться. Возможное вариативное сведено к одному варианту, такому именно, каким слушающий себе его представил. Вариативность равна единице. Это одновариантность.

Общеизвестна и хорошо исследована анафорическая функция определенного артикля в тексте. Например, [9: 31.36]:

20. – *Nils hat mich um Hilfe gebeten, ich habe ihn nicht ernst genommen. Jetzt kümmere ich mich um* ***die*** *Sache.* – «Нильс просил о помощи, я не воспринял его серьезно. Теперь я позабочусь о +деле».

«О +деле» отсылает слушателя к уже известной из предыдущего контекста ситуации. Потому употреблено с определенным артиклем. Проявлена одновариантность восприятия. Вариант один, дело «такое именно», как мы знаем. Перевод мог бы звучать и как «Теперь я побеспокоюсь об *этом* деле».

Определенный артикль: генерализация. Одновариантность, яркость образа характерна и для случаев генерализации. Когда один предмет / объект становится представителем класса подобных. Когда типичное становится проявленным вариативным по сравнению с иными единицами подобного уровня обобщения, существует скрытое сопоставление с другими (например, *мужчина ↔ женщина*). Высказывания звучат, воспринимаются пафосно. Образ взят крупным планом.

21. ***Zum** Mann werden. Format haben. **Die** Statur eines Mannes haben! Das war sein Wunsch, sein Anspruch.* – «Стать (настоящим) +Мужчиной. Приобрести масштаб (варианты перевода: «мужской формат», «иметь статус»). Иметь +телосложение (истинного) мужчины (вариант перевода: «мужскую +фигуру»). Это было его желанием, его вызовом» [12: 1.14].

Определенный артикль – *(стать) +мужчиной*, иметь *+фигуру (мужскую, мужчины).* Эпитеты, которые мы вводим в текст перевода вполне соответствуют масштабу определенного артикля в генерализирующей функции. Слово «из солдата превратилось в генерала». Понятие «укрупнилось». Стало грандиозным. На переднем плане образного пространственного восприятия. В данном случае это исключительно виртуальное пространство.

Обратим внимание в скобках, что в словосочетании *(иметь) фигуру мужчины* зависимое слово *мужчина* употреблено с неопределенным артиклем как типизирующем, передающим суть. Невозможно было бы использовать оба существительных с определенным артиклем, так как оба образа стали бы равно великими, а нам необходимо преобладание образа мощной фигуры как таковой. Подчиненность, неравнозначность выражена и синтаксически, *(фигура) мужчины*, зависимое слово в родительном падеже. Эту зависимость мы можем отразить и в переводе, заменив существительное на прилагательное: (*иметь) мужскую фигуру*. И далее по тексту перечислены качества мужчины, имена абстрактные – с определенным артиклем [12: 1.19]:

22. *Die Stärke, die Kraft, den Charakter eines Mannes haben - eine Wirklichkeit, die er bald erfüllt und bestätigt.* – «+Сила, +мощь, +характер мужчины – реальность, которую он вскоре осуществит».

(вариант перевода: «то, что станет его реальностью ...», «..., которая станет его вторым я», «вот, что станет вскоре его реальностью, его вторым я»).

Сила, мощь, характер – поданы в тексте как доминанты личности, образа, ярко проявленные черты. Они соположены как контекстуальные синонимы и как черты, характерные для проявления мужских черт в поведении, образе, ассоциативно соотносимых с лексемой *мужчина*. В таком варианте артиклевой аранжировки слов, именующих мужские качества, невозможно представить комплекс вариативно допустимых *характеристик мужчины*, как, например, *слабый, истеричный, тщедушный*, которые, однако, возможны. Артиклевое сопровождение через определенный артикль даёт одновариантность, устойчивость толкования.

Интересным в этом аспекте представляется следующий пример с именем абстрактным и собственным. В рамках предложения соположены имя собственное, антропоним, и абстрактное как синонимы, референция к одному и тому же денотату [12: 0.05]:

23. *Alain Delon oder **die** Schönheit.* – «Ален Делон или +Красота».

Это преамбула к документальному фильму об Алене Делоне. Введение. Слово *Красота* с определенным артиклем. То есть Ален Делон – и есть воплощение красоты. Проявленная красота. Красота приобрела конкретные черты конкретного человека. Снова одновариантность особенного. Референтная ориентация

определенного артикля нашла здесь своё яркое воплощение. Вариативность понятия красота, каждый раз находящая своё воплощение при актуализации стала одним, единственно данным здесь и сейчас вариантом. Обращаем внимание также на то, что предложение не имеет предикативной структуры, что само по себе исключительно для немецкого языка. Оба слова в качестве референта имеют один и тот же объект. Они соположены.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Метаязыковыми параметрами, определяющими базис функционального статуса определённого артикля, является соотношение с лексическим значением слова, содержащее указание на вариативное в его двукомпонентной структуре «общее / особенное», на проявленное референтом (или денотатом) особенное сигнификативного значения актуализированного слова в единственном варианте, таком именно. Определенный артикль имеет дейктическую природу. Указывая на вариативное, он не исключает типичное, но не акцентирует его. Для актуализированного слова индивидуальное референта становится проявленным, определенным, таким именно. В аспекте корреляций слова с соположенными парадигматитически словами вариативное особенное выступает как типизирующий, определяющий признак. Движения по вертикали *расширение – сужение значения* – как потери части признаков, не происходит, отношения гипонимии как гипоним ↔ гипероним – исключаются. Остаётся релевантным отношение согипонимов как в узком смысле, так и более широко – как действующих актантов в рамках предложения, ролей участников коммуникации, объектов и понятий, связанным одним типовым сценарием, ситуации речи. Идея соотнесенности, соположенности предметов в пространстве, как реальном, так и в виртуальном, становится исключительно важной как вариант оптимального взаимоопределения через отличия. Может восприниматься как контраст, абрис – резкий в случае антонимов. Характерной чертой такого рассмотрения является ограничение пространства. Идея соположенности в пространстве означает и потенциальную общность функций, системные связи. Характерна одновариантность особенного, проявленных характеристик референта / денотата или равных им дифференциальных характеристик сигнификатов соположенных понятий, лексических значений слов. В зависимости от конкретной лексемы, её значения и актуализированного смысла, – конкретная или абстрактная лексика, – значение одновариантности варьируется от указания на конкретный единичый референт или экземляр-эталон, в случае генерализации для единственного числа. Во множественном числе достаточным условием использования определенного артикля является ограничение пространства. В случае абстрактного имени одновариантность проявляется отношениями по контрасту в ряду соположенных по горизонтали понятий в лексической парадигматике. Определенный артикль имеет катафорическую функцию, традиционно увязываемую с этим типом артикля. Определенный артикль может указывать на анафорические отношения в некоторых специальных текстах (объявления-предупреждения), является анафорическим дейктиком в широком смысле, апеллируя к понятиям, сигнификату познанного человеком. В этом смысле можно говорить о понятийной или парадигматической анафоре, обращению к виртуальному понятийному содержанию, связям тезауруса, отражающего результаты процесса познания человека, закрепленные в лексике. Термин *определенный артикль* соотносится только с его функцией указывать на определенность вариативного в единичном как проявленную составляющую лексического значения слова,

понятийного ядра. Ключевым содержанием дейктической функции определенного артикля является указание на невариативность этого особенного. Если прибегнуть к математической формуле, где А – это единичное, то релевантной представляется следующая:

А = 1, то есть А есть единичное, акцент на проявленное вариативное, одновариантность.

Перспективы дальнейшего изучения темы состоят:

в определении соотношений функций нулевого и определенного, а также неопределенного типов артикля, на базе абстрактной лексики в аспекте предложенного соотнесения с категориями «общего и особенного» структуры лексического ядра, в аспекте категории вариативности как метаязыкового параметра;

в выявлении особенностей употребления нулевого и определенного артиклей для конкретных существительных во множественном числе;

в выявлении роли определенного артикля в образном пространстве текста.

Примечания:

1. Москальская О.И. Развитие артикля в древних германских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1953. 56 с.

2. Москальская О.И. Становление категории определенности/неопределенности. Артикль // Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. Москва: Наука, 1977. С. 238-286.

3. Кашкин В.Б. Функциональная типология (неопределенный артикль). Воронеж: ВГТУ, 2001. 255 с.

4. Огуречникова Н.Л. Английский артикль: к вопросу о количественности в языковом мышлении. Москва: Наука, 2006. 558 с.

5. Спиркин А.Г. Основы философии: учебное пособие для вузов. Москва: Политиздат, 1988. 592 с.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

7. Der Verlobte meiner besten Freundin. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hVn34o002dc (дата обращения: 11.12.20).

8. Schneewittchen am See. URL: https://www.zdf.de/filme/herzkino/schneewittchen-am-see-100.html (дата обращения 21.12.20).

9. Die Bielefeld-Verschwörung. URL: https://www.zdf.de/serien/wilsberg/die-bielefeld-verschwoerung-100.html (дата обращения: 20.12.20).

10. Пропп В.Я. Проблема артикля в современном немецком языке // Памяти ак. Л.В. Щербы: сб. статей. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1951. С. 218-226.

11. Шмелёв А.Д. Определённость/неопределённость в аспекте теории референции // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/Неопределенность. Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 266-278.

12. Alain Delon, persönlich – Docu. 2016. URL: https://yandex.ru/video/search?text=Alain%20Delon%2C%20pers%C3%B6nlich%20-%20Docu%20(2016)&path=wizard&wiz_type=vital (дата обращения: 21.12.20).

13. Zieh die Schuh aus (Roger Cicero). URL: https://de.lyrsense.com/roger_cicero/zieh_die_schuh_aus (дата обращения: 12.12.20).

14. Копоть Л.В. Концепт «Русскость» в художественном дискурсе Е.Г. Водолазкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 3 (262). С. 51-56.

15. Джабраилова М.М. Концепт «Родина» в поэзии Раисы Ахматовой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 3 (262). С. 51-56.

16. Ворожбитова А.А. Сочинская лингвориторическая школа: программа и некоторые итоги. URL: httpfile:/C:/Users/aser/Downloads/sochinskaya-lingvoritoricheskaya-shkola-programma-i-nekotorye-itogi.pdf (дата обращения: 28.12.20).

17. Малютина С.А. Сочинская лингвориторическая школа: тезаурусная матрица экскурсионного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 3 (262). С. 61-58.

18. Дедюхина А.Г. Тематическая классификация англоязычных заимствований семантического поля «Мода» (на материале рекламных текстов) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2020. Вып. 3 (262). С. 34-88.

19. Die Kuh vom Eis holen. URL: https://www.dw.com/de/die-kuh-vom-eis-holen/l-19264750 (дата обращения: 20.12.20).

References:

1. Moskalskaya O.I. Development of the article in ancient Germanic languages: Diss. abstract for the Dr. of Philology degree. Moscow, 1953. 56 pp.

2. Moskalskaya O.I. Formation of the category of certainty / uncertainty. Article // Historical and typological morphology of Germanic languages. Phonomorphology. Paradigmatics. Name category. Moscow: Nauka, 1977. P. 238-286.

3. Kashkin V.B. Functional typology (the indefinite article). Voronezh: VSTU, 2001. 255 pp.

4. Ogurechnikova N.L. The English article: on the problem of quantitativeness in linguistic thinking. Moscow: Nauka, 2006. 558 pp.

5. Spirkin A.G. Fundamentals of Philosophy: a textbook for higher educational institutions. Moscow: Politizdat, 1988. 592 pp.

6. Linguistic Encyclopedic Dictionary / ch. ed. by V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 685 pp.

7. Der Verlobte meiner besten Freundin. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hVn34o002dc (access date: 11.12.20).

8. Schneewittchen am See. URL: https://www.zdf.de/filme/herzkino/schneewittchen-am-see-100.html (access date 21.12.20).

9. Die Bielefeld-Verschwörung. URL: https://www.zdf.de/serien/wilsberg/die-bielefeld-verschwoerung-100.html (access date: 20.12.20).

10. Propp V.Ya. The problem of the article in the modern German language // In memory of Academician L.V. Shcherba: col. of articles. Leningrad: LSU Publishing House, 1951. P. 218-226.

11. Shmelyov A.D. Certainty / uncertainty in the aspect of the theory of reference // Theory of functional grammar. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of the statement. Certainty / Uncertainty. St. Petersburg: Nauka, 1992. P. 266-278.

12. Alain Delon, persönlich-Docu. 2016. URL: https://yandex.ru/video/search?text=Alain%20Delon%2C%20pers%C3%B6nlich%20-%20Docu%20(2016)&path=wizard&wiz_type=vital (access date: 21.12.20).

13. Zieh die Schuh aus (Roger Cicero). URL: https://de.lyrsense.com/roger_cicero/zieh_die_schuh_aus (access date: 12.12.20).

14. Kopot L.V. The concept of Russianness in the literary discourse of E.G. Vodolazkin // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. Iss. 3 (262). P. 51-56.

15. Dzhabrailova M.M. The concept of Motherland in the poetry of Raisa Akhmatova // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. Iss. 3 (262). P. 51-56.

16. Vorozhbitova A.A. Sochi linguo-rhetorical school: program and some results. URL: httpfile: / C: /Users/aser/Downloads/sochinskaya-lingvoritoricheskaya-shkola-programma-i-nekotorye-itogi.pdf (access date: 28.12.20).

17. Malyutina S.A. Sochi school of linguistic rhetoric: thesaurus matrix of excursion discourse // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. Iss. 3(262). P. 61-58.

18. Dedyukhina A.G. Thematic classification of English borrowings of the semantic field “Fashion” (based on the material of advertising texts) // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2020. Iss. 3 (262). P. 34-88.

19. Die Kuh vom Eis holen. URL: https://www.dw.com/de/die-kuh-vom-eis-holen/l-19264750 (access date: 20.12.20).